

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a woman with dark, curly hair is seen from the back, looking towards the right. She wears a dark, patterned cloak with a large, ornate brooch on the back. A small black cat sits next to her. To the left, a glowing street lamp is visible. In the background, a fantastical city is depicted. On the right, there is a large, multi-story Victorian-style house with many lit windows. A signpost with the number '1' stands near it. In the distance, a city skyline with modern skyscrapers is visible under a starry night sky. The overall color palette is dark with warm, golden light from the lamps and windows.

Даурания Торн

ВЕДЬМА
из Подмосковья.

Книга 1.

Тридесятая улица, дом 1.

Истории, которые остаются с тобой

Даурация Торн

Ведьма из Подмосковья.

«Тридесятая улица, дом 1.»

Книга 2: «Пепел и корни.»

<https://litres.ru/74339539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Митрофанова уже не та офисная мышка, что боялась начальницы. Она — ведьма с Тридесятой улицы, хозяйка дома, где говорящий кот Мирон и домовый Андрон стали её семьёй. Но покой в Волшебном Доме — вещь хрупкая.

В лесу появляется новый дух — маленькая, непослушная Буся, которая слышит то, что не слышат другие, и поёт так, что даже разломы затихают. А вместе с ней в жизнь Алисы входит тот, кто называет себя коллекционером: Прохоров, человек с чёрными руками и холодом в рукаве. Он знает о доме то, чего не знает даже Заряна.

Под полом, в самом сердце дома, просыпается семя Миражи — первой хозяйки, которую стёрли из памяти за предательство. И теперь Алисе предстоит узнать: почему перстень Миражи признал её, кто носил его до неё и какую цену придётся заплатить, чтобы дом устоял.

Вторая книга серии «Тридесятая улица» — это новые загадки, старые тайны и выбор, который определит, кем станет Алиса: ведьмой, что боится, или той, что умеет защищать.

Даурания Торн

Ведьма из Подмосковья.

«Тридесятая улица, дом 1.»

Книга 2: «Пепел и корни.»

Ведьма из Подмосковья.

«Тридесятая улица, дом 1.»

Книга 2: «Пепел и корни.»

аннотация

Алиса Митрофанова уже не та офисная мышка, что боялась начальницы. Она — ведьма с Тридесятой улицы, хозяйка дома, где говорящий кот Мирон и домовый Андрон стали её семьёй. Но покой в Волшебном Доме — вещь хрупкая.

В лесу появляется новый дух — маленькая, непослушная Буся, которая слышит то, что не слышат другие, и поёт так, что даже разломы затихают. А вместе с ней в жизнь Алисы входит тот, кто называет себя коллекционером: Прохоров, человек с чёрными руками и холодом в рукаве. Он знает о доме то, чего не знает даже Заряна.

Под полом, в самом сердце дома, просыпается семя Миражи — первой хозяйки, которую стёрли из памяти за пре-

дательство. И теперь Алисе предстоит узнать: почему перстень Миражи признал её, кто носил его до неё и какую цену придётся заплатить, чтобы дом устоял.

Вторая книга серии «Тридесятая улица» — это новые загадки, старые тайны и выбор, который определит, кем станет Алиса: ведьмой, что боится, или той, что умеет защищать.

Оглавление

«Тридесятая улица, дом 1: Пепел и корни»

Глава 1. В которой появляется Буся, а Алиса узнаёт, что пропажа носков — не самое страшное

Глава 2. В которой Буся показывает, что она не просто пушистый комок, а Алиса слышит шёпот северной границы

Глава 3. В которой Алиса узнаёт, что зеркала плачут не просто так, а Буся знакомится с господином Усачом

Глава 4. В которой отряд выходит к северной границе, а чёрные цветы оказываются не просто цветами

Глава 5. В которой гость оказывается холоднее, чем кажется, а старый гребень хранит не только волосы

Глава 6. В которой тропа оживает, а Буся узнаёт, что у страха глаза велики, зато у храбрости лапки маленькие

Глава 7. В которой Заряна вспоминает, что значит быть ведьмой, а Прохоров показывает свою коллекцию

Глава 8. В которой Алиса помогает домашнему духу найти дитя, а Буся снова слышит зов

Глава 9. В которой Буся учится слушать, а время начинает вести себя странно

Глава 10. В которой Андрон прощается с очагом, а у разлома появляется страж

Глава 11. В которой Андрон просит прощения у очага, а Заряна находит то, что искала всю жизнь

Глава 12. В которой ключ открывает не дверь, а прошлое, а гость приносит с собой тишину

Глава 13. В которой тишина оказывается громче крика, а голос Буси обретает силу

Глава 14. В которой отражения уходят в никуда, а Маргарита Гольц вновь напоминает о себе

Глава 15. В которой дом вспоминает старые песни, а За-

ряна находит неожиданного союзника

Глава 16. В которой отряд уходит за грань, а Андрон остаётся один на один с тем, что притаилось в темноте

Глава 17. В которой библиотека раскрывает тайны, а Андрон встречает ночного гостя

Глава 18. В которой библиотека отдаёт не только книги, а дом держит осаду

Глава 19. В которой травы в лавке Алёны поют не в лад, а Алиса находит то, что искала не там

Глава 20. В которой тени оживают, папоротник не хочет цвести, а Гольц выбирает момент

Глава 21. В которой Зал Теней показывает каждому своё, а Гольц делает ход

Глава 22. В которой дом пылает, но не сгорает, а Буся впервые видит, как умирает страх

Глава 23. В которой время в деревне Крапивное сходит с ума, а Буся знакомится с дедом, который всегда знает, который час

Глава 24. В которой железная клетка поёт, а гостя ищет пропавшего хранителя

Глава 25. В которой удача пахнет воском, а подпол вспоминает старое

Глава 26. В которой перстень вспоминает, а Прохоров выходит из тени

Глава 27. В которой старые вещи помнят, а логово врага оказывается ближе, чем думали

Глава 28. В которой отряд выходит к оврагу, а Буся узнаёт, что даже у троп есть чувства

Глава 29. В которой жезл не хочет сгорать, а Прохоров предлагает сделку

Глава 30. В которой Осина рассказывает о Мираже, а Буся слышит лишнее

Глава 31. В которой ящик открывается, а в доме становится слышно то, что прятали

Глава 32. В которой подпол раскрывает росток, а Андрон

говорит чужим голосом

Глава 33. В которой открываются старые раны, и дом впервые заговаривает сам

Глава 1. В которой появляется Буся, а Алиса узнаёт, что пропажа носков — не самое страшное

Прошло несколько недель после того, как Алиса Митрофанова спустилась в подземелья Коломенского и вернулась оттуда живой, хотя и слегка опалённой. Весна окончательно вступила в свои права: снег сошёл даже в самых глухих оврагах, лес оделся нежной зеленью, а воздух стал тёплым и пьянящим, как парное молоко с мёдом. Волшебный Дом на Тридесятой улице больше не выглядел нахохлившимся стариком; он расправил брёвна, задышал полной грудью и, кажется, стал на пол локтя выше.

Алиса тоже изменилась. Она больше не носила серые юбки-карандаши и не вздрагивала от звонка телефона. Теперь её гардероб состоял из льняных платьев с вышитыми рунами, мягких кожаных сапог, подаренных лешим, и неизменного зелёного огарка, который она носила в кармане, как талисман. В движениях появилась плавность, в голосе — спокойная уверенность, а в глазах — тот самый огонёк, который когда-то зажгла бабка Серафима.

Но если сама Алиса привыкла к своему новому статусу, то её домочадцы — не совсем.

Особенно Мирон.

— Это невыносимо! — прорычал кот, врываясь в горницу рано утром, когда солнце только-только позолотило верхушки елей. — Митрофанова, сделай что-нибудь!

Алиса, мирно помешивавшая кашу в печи, обернулась.

— Что случилось?

— Что случилось?! — Мирон вскочил на лавку и с ожесточением принялся вылизывать вздыбленную шерсть. — Эта... эта... как её... опять стащила мой хвост!

— Чей хвост? — уточнила Алиса, уже догадываясь.

— Мой! Мой хвост! — кот повернулся задом, демонстрируя, что кончик его великолепного пушистого хвоста теперь подозрительно мокрый и растрёпанный. — Она его сосёт! Как соску!

Из-за печи слышалось сдавленное хихиканье Андрона.

— А мне он говорил: «Не лезь, это моё личное пространство!» — не удержался домовой. — А тут вдруг приходит и жалуется, что его хвост обсосали. Вот уж не думал, что боевой фамилльяр может стать игрушкой.

— Замолчи, борода! — огрызнулся Мирон. — Это не смешно! Она уже три дня меня донимает! Привязалась, как репей: то за усы дёргает, то на спине катается, а теперь — хвост! Она что, не понимает, что я — хищник? У меня репутация!

— Ой-ой-ой, репутация, — Андрон вылез из-за печи, утирая слёзы умиления. — А кто вчера мурлыкал, когда она у

него на пузе спала?

— Я не мурлыкал! Это было... это было урчание от возмущения!

— Ну конечно.

Алиса улыбнулась и отставила ложку.

— Позови её сюда, — попросила она.

— Её не нужно звать, — буркнул Мирон. — Она всегда где-то рядом.

И правда: не успел он договорить, как из угла, где стоял старый сундук, донеслось шуршание. Крышка приподнялась, и оттуда высунулась крошечная мордочка — круглая, пушистая, с огромными янтарными глазами и смешно подёргивающимся носом. Существо, похожее одновременно на бельчонка, енота и маленького медвежонка, выбралось наружу и, переваливаясь, направилось к Алисе. Его шёрстка была тёплого орехового цвета с белыми подпалинами, а на спине красовались три тёмные полосы.

— Буся, — укоризненно сказала Алиса, присаживаясь на корточки. — Ты зачем Мирона обижаешь?

Буся остановилась, села на задние лапки и посмотрела на Алису с самым невинным видом, на какой только способно существо с тремя полосками на спине.

— Он сам виноват, — пропищала она тоненьким голоском. — У него хвост вкусный.

— Вкусный?! — взревел Мирон. — Это мой боевой хвост! Он не для еды!

— А для чего? — искренне удивилась Буся. — Он же пушистый. И тёплый. И пахнет валерьянкой.

— Это лечебная мазь! — кот аж подпрыгнул. — От ревматизма! А не валерьянка!

— Ой, да ладно, — отмахнулась Буся. — Вкусно пахнет. И вообще, я тебя люблю.

Мирон поперхнулся.

— Любишь?.. — переспросил он подозрительно.

— Ну да. Ты же мой... мой... — Буся наморщила лобик, подыскивая слово. — Большой полосатый братик!

— Я не полосатый! Я дымчатый! — уже без прежней злости, но всё ещё ворчливо поправил кот. — И я тебе не братик. Я фамильяр. Боевой. Понятно?

— Понятно. Братик-фамильяр, — кивнула Буся и, подскочив, повисла у Мирона на шее, обхватив лапками.

Кот замер. Потом вздохнул, поднял глаза к потолку, словно прося у высших сил терпения, и буркнул:

— Ладно. Только не надо слюней.

Андрон снова захихикал, но уже добрее.

— Вот так и живём, — сказал он, подходя к Алисе. — С утра — боевые действия, к обеду — перемирие. А всё почему? Потому что ты, хозяйка, эту зверюгу в дом притащила.

— Я её не притаскивала, — напомнила Алиса. — Она сама пришла. Точнее, приползла. Из леса, вся мокрая и голодная.

— Ну да, ну да, — Андрон покачал головой. — Только

вот я одного не пойму: как обычный зверёк может говорить?

— А я не обычный! — возмутилась Буся, отпуская Мирона и усаживаясь на пол. — Я — дух леса! Мне Осина сказал, что я — хранительница малой тропы. Только я пока маленькая и не умею хранить.

— Вот именно — маленькая, — Мирон наконец-то начал приводить шерсть в порядок. — И хранить тебе нужно не тропу, а мой хвост от твоих же зубов.

— Да не грызу я твой хвост! — обиделась Буся. — Я его просто... дегустирую.

— Чего?!

— Ну, пробую. Как вино.

Мирон закатил глаза.

— Это не вино, это часть моего тела! Если ты его откусишь, чем я буду выражать эмоции?

— А у тебя есть уши, — резонно заметила Буся. — Они тоже выражают.

— Уши — это другое!

Алиса поняла, что пора вмешаться, иначе перепалка затянется до обеда.

— Так, всё, — сказала она твёрдо. — Мирон, Буся, заканчивайте. У нас сегодня, между прочим, посетители могут быть. А вы тут цирк устроили.

— Какие посетители? — насторожился Андрон.

— Не знаю пока. Но огарок с ночи пульсирует, — Алиса коснулась кармана, где лежала свеча. — Значит, кто-то уже

идёт. И этот кто-то не в лучшем состоянии.

Буся принялась, смешно задвигая носом.

— Я тоже чую! — заявила она. — Пахнет слезами и... и жжёной кашей!

— Жжёной кашей? — переспросила Алиса.

— Ну да! И ещё немного страхом. Но больше — кашей.

— Странное сочетание, — пробормотал Мирон, забыв про хвост. — Впрочем, люди вообще странные.

— Вот и дождётся, — Алиса вернулась к печи. — Андрон, ставь чайник. И достань из сундука запасное полотенце — если гость промок, понадобится.

— А мне? — спросила Буся.

— А тебе — хорошее поведение.

— Это скучно, — вздохнула Буся и, забравшись на лавку, свернулась калачиком рядом с Мироном.

Кот покосился на неё, но отодвигаться не стал. Только хвост прижал к себе поближе.

Гость появился часа через два. И он действительно был в плачевном состоянии: молодой мужчина, промокший до нитки, с синяком под глазом и таким лицом, будто ему только что сообщили, что его любимая футбольная команда проиграла. Одет он был в мятую рубашку и джинсы, на ногах — один кроссовок, второй он, видимо, потерял где-то в лесу. В руках мужчина сжимал обгоревшую сковородку.

— Здравствуйте, — произнёс он, стуча зубами. — Это... это ведьмин дом?

— Это дом, — ответила Алиса, распахивая дверь. — Заходите. Вы продрогли.

Мужчина вошёл, и в горнице сразу запахло сыростью и горелым маслом. Буся, сидевшая на лавке, чихнула.

— Фу, — сказала она. — Точно, жжёная каша.

— Это не каша, — мрачно ответил гость, ничуть не удивившись говорящему зверьку. — Это... это мой дом.

— Что, весь дом? — не поняла Буся.

— Сковородка, — пояснил мужчина. — Это всё, что осталось от моего дома. И от меня, кажется.

Алиса усадила его к столу, накинула на плечи полотенце и налила горячего взвара. Мужчина сделал несколько глотков, постепенно приходя в себя. Звали его Семён. Семён Ткачёв. Жил он в посёлке Лесные Дали, что километрах в десяти от Тридесятой улицы, и работал поваром в небольшом семейном кафе.

— Три дня назад всё было нормально, — рассказывал он, сжимая кружку. — Я готовил ужин, жарил картошку. Вдруг плита как полыхнёт! Я отскочил, а огонь... огонь не обжёг. Он был... зелёный. И холодный. Я попытался потушить, а он не тушится. Я водой — а он только шипит, как змея. И потом... потом из огня появилось лицо.

— Чьё? — спросила Алиса.

— Женское. Старое. Злое. Оно посмотрело на меня и сказала: «Верни то, что взял». И исчезло. А огонь сжёг всё: кухню, комнату, вещи. Всё, кроме этой сковородки. Она поче-

му-то уцелела.

Семён поставил сковородку на стол. Она была обычной, чугунной, но по краю её шла странная трещина, из которой, если приглядеться, сочился слабый зеленоватый дымок.

— Вы взяли что-то, что вам не принадлежало? — спросила Алиса.

— Я? Нет! Ничего. Только... — он замялся, — только неделю назад нашёл на дороге старую монету. Медную, с дыркой. Подобрал. Думал, на счастье.

— Где эта монета?

Семён сунул руку в карман и вытащил маленький, потёртый кругляшок. Алиса, едва взглянув на него, почувствовала, как огарок в её кармане резко потеплел. Монета была не просто старой. Она была чужой. И та, кто её потеряла, была очень злой.

— Это монета-оберег, — тихо сказала подошедшая Заряна, которая всё это время сидела в углу с книгой. — Её клали в печь, чтобы задобрить духа огня. Если забрать её — дух разгневается и сожжёт всё, что ему не принадлежит.

— Но я не знал! — воскликнул Семён.

— Духи этого не знают, — Заряна покачала головой. — Им всё равно. Ты взял — верни.

— Как? Сжечь её? Выбросить?

— Нужен ритуал возврата, — Алиса встала и подошла к шкафу с травами. — Мы вернём монету духу огня. Но не здесь. Там, где ты её взял. У тебя в посёлке.

Семён побледнел.

— Там мой дом сгорел. И, наверное, дух всё ещё там.

— Вот и отлично. Значит, он примет монету обратно.

Алиса повернулась к своим.

— Мирон, Буся, вы со мной. Андрон, оставайся.

— А я? — спросила Заряна.

— Ты нужна здесь. Если кто-то ещё придёт — прими.

— Хорошо.

Мирон спрыгнул с лавки.

— Наконец-то дело! А то сидим, хвосты дегустируем.

Буся надулась.

— Я не дегустирую! Я... люблю!

— Ладно, любовь моя, — кот вздохнул. — Только в этот раз без фокусов. Мы идём к злому духу, а не на прогулку.

— А я злых духов не боюсь! — заявила Буся. — Я сама дух! Только маленький.

— Вот именно, что маленький, — Мирон покосился на неё. — Иди сюда, я тебя на спину возьму.

Буся просияла и мигом запрыгнула коту на спину, вцепившись лапками в шерсть.

— Поехали!

Алиса улыбнулась. Если уж кот позволил на себе кататься — значит, дела не так уж плохи.

Они вышли из дома втроём (плюс Буся на Мироне). Лес встретил их прохладой и запахом мокрой хвои. Где-то высоко перекликались птицы. Тропинка, ведущая к посёлку Лес-

ные Дали, была узкой, но натопанной, и идти по ней было легко.

Всю дорогу Буся без умолку болтала, задавая Мирону вопросы:

— А дух огня — он какого размера?

— А у него есть хвост?

— А он любит, когда его чешут за ухом?

— А если ему дать сметаны, он подобреет?

Мирон сначала отвечал односложно, потом начал ворчать, а под конец и вовсе замолчал, только уши нервно подёргивались. Алиса шла следом и улыбалась. Ей нравилось, что в Доме появился этот непоседливый комок шерсти. С ним даже самые страшные дела казались чуть менее страшными.

Посёлок встретил их тишиной. Дом Семёна, вернее то, что от него осталось, стоял на краю улицы — почерневшие брёвна, закопчённые оконные проёмы и запах гари, который, казалось, впитался в саму землю. Семён, шедший впереди, остановился.

— Вот, — сказал он, сглатывая. — Здесь.

Алиса достала огарок, и тот сразу вспыхнул зелёным, но каким-то тревожным, нервным светом.

— Дух всё ещё здесь, — прошептала она. — Злится.

— А может, поговорим? — предложила Буся, спрыгнув с Мирона. — Я умею договариваться! Однажды договорилась с белкой, чтобы она отдала мне орех. Правда, она потом за мной гонялась, но это мелочи.

— Думаю, с духом огня беличьи методы не сработают, — Мирон заслонил её собой.

— Это почему?

— Потому что у белки нет огненной бороды и способности сжигать дома.

— Ой, — Буся на мгновение притихла, но потом снова высунулась. — А давайте я ему монетку отдам? Я маленькая, он меня не тронет.

— Даже не думай, — отрезала Алиса.

Она вытащила из сумки монету, которую дал Семён, и сжала в кулаке. Потом закрыла глаза и начала читать заклинание из книги Серафимы — то самое, что было помечено как «возврат оберега духу стихии». Слова были гортанными, тягучими, и с каждым словом воздух вокруг сгущался.

Из руин дома поднялся столб зеленоватого пламени — высокий, до неба. Внутри него смутно угадывалась фигура: высокая, худая, с длинными волосами-языками огня. Дух смотрел на Алису, и взгляд его был обжигающим.

— Ты принесла то, что украли, — произнёс он голосом, похожим на треск поленьев.

— Да, — Алиса разжала ладонь. — Это твоё. Забирай.

Она бросила монету в огонь. Та взлетела, закружилась и

с тихим звоном вплавилась в ладонь духа. Пламя дрогнуло и начало опадать.

— Благодарю, ведьма, — прошелестел дух. — Твой дом всегда будет гореть ровно. А этого человека я больше не трону.

Он исчез, оставив после себя только запах дыма и тихий, почти мирный треск остывающих углей.

Семён, стоявший сзади, шумно выдохнул и опустился на землю.

— Всё? Это всё?

— Всё, — Алиса повернулась к нему. — Монета вернулась. Дух успокоился. Но дом вам придётся отстраивать заново.

— Спасибо, — прошептал Семён. — Я... я не знаю, как вас благодарить.

— Пирогамы, — неожиданно подала голос Буся. — С яблоками. Или с капустой. Или с мясом. Или со всем сразу.

— Обязательно, — улыбнулся Семён, всё ещё дрожащими руками вытирая лицо. — Как только появятся деньги — напеку.

На обратном пути Буся ехала на Мироне и рассуждала о том, какой пирог лучше: с яблоками или с капустой. Мирон в кои-то веки не ворчал, а лишь изредка поддакивал. Алиса шла рядом и думала, что, кажется, этот день прошёл не зря.

А вечером, когда они вернулись домой, их ждал Андрон с новостью:

— Пока вас не было, — сообщил он, — к нам заглядывал Осина. Сказал, что у северной границы леса опять начались странные вещи. Птицы летят не в ту сторону. А из-под земли по ночам слышен шёпот.

— Какой шёпот? — насторожилась Алиса.

— Говорит, похоже на то, что вы слышали перед тем, как открылась дверь.

Алиса переглянулась с Мироном.

— Значит, не всё закончилось, — тихо произнесла она.

— Похоже, только начинается, — ответил кот.

А Буся, не обращая внимания на тревожные разговоры, уже устроилась на подоконнике, свернувшись калачиком, и тихо посапывала, изредка подёргивая лапками во сне. И, глядя на неё, Алиса подумала, что даже в самые тёмные времена найдётся место для маленького пушистого чуда.

Конец первой главы.

В следующей главе: Алиса и её команда отправляются к северной границе, чтобы узнать природу шёпота, а Буся впервые покажет, что она не просто милая зверюшка, а настоящий дух леса, пусть и маленький. Также появится новый посетитель с бедой, которая потребует сложного ритуала.

Глава 2. В которой Буся показывает, что она не просто пушистый комок, а Алиса слышит шёпот северной границы

Утро началось не с будильника и не с солнечного луча. Оно началось с грохота.

Алиса подскочила на лавке, разбуженная звоном, треском и чьим-то возмущённым воплем. Первая мысль была: «Опять Гольц». Вторая: «Нет, у Гольц хотя бы есть манеры». Вопль повторился, и теперь в нём ясно слышалось:

— Отдай! Отдай, кому говорю! Это не игрушка!

— А что это? Оно блестит!

— Это боевой амулет! Ему триста лет! Положи на место, несносное создание!

Алиса, накинув шаль, вышла в горницу и замерла. Мирон, взъерошенный до состояния одуванчика, стоял на столе, прижимая лапой к столешнице маленький кожаный мешочек. Буся, повиснув на другом конце этого мешочка, тянула его на себя и при этом успевала весело болтать:

— Ну отдай, ну пожалуйста! Я только посмотреть! Я не съем! Честно-честно!

— Ты вчера говорила, что не будешь дегустировать мой хвост, а сама весь вечер его облизывала! — парировал кот, не разжимая лапы.

— Это было в знак любви!

— В знак любви дарят рыбу! А не облизывают боевые артефакты!

Андрон, сидевший на лавке с кружкой взвара, наблюдал за сценой с выражением человека, который уже ничему не удивляется.

— Доброе утро, хозяйка, — произнёс он, не отрываясь от зрелища. — Вот, полюбуйся. Два духа — и оба как дети малые. Один амулет не поделили.

— Я не дух! — огрызнулся Мирон. — Я фамильяр! Это разные вещи!

— А я дух! — с гордостью заявила Буся и, улучив момент, рванула мешочек на себя. Тот с треском разошёлся по шву, и из него на стол посыпались маленькие, тускло светящиеся камешки.

На мгновение все замерли. Потом Мирон медленно, очень медленно перевёл взгляд с пустого мешочка на рассыпанные камешки, затем на Бусю. Его глаза превратились в две узкие щёлочки.

— Ты... — начал он тихо, и от этого тихого голоса стало страшнее, чем от любого крика, — ты разорвала боевой амулет. Тот самый, который я берёг со времён Серафимы. Тот, что должен был защитить нас в час великой нужды.

Буся, осознав масштаб катастрофы, села на попу и прижала уши к голове.

— Я не хотела, — пролепетала она. — Оно само порвалось.

— Амулеты не рвутся сами! — Мирон начал закипать. — Их рвут маленькие наглые существа, которые не умеют слушать!

Алиса поняла, что ещё немного — и в доме начнётся первая за утро магическая битва. Она подошла к столу, сгребла

рассыпанные камешки в ладонь и поднесла к свету.

— Они не разбиты, — спокойно сказала она. — Все семь на месте. Просто нить, на которую были нанизаны, сгнила от времени. Буся не виновата. Она просто ускорила неизбежное.

— То есть я зря орал? — подозрительно уточнил Мирон.

— Ну, не совсем зря. Профилактика дисциплины никогда не помешает.

Буся, поняв, что казнь отменяется, тут же приободрилась и подползла к Алисе.

— А можно мне один камешек? — заискивающе спросила она. — Ну ма-а-аленький. Я его буду хранить. Как талисман.

— Зачем тебе талисман?

— Чтобы защищать дом! — с жаром воскликнула Буся. — Я же дух-хранительница! Ну, почти. Мне положено!

Мирон фыркнул, но, кажется, уже остыл.

— Хранительница, — проворчал он. — Хранительница моего терпения.

— И его хвоста! — добавил Андрон и сам же захихикал.

Алиса переглянулась с Заряной, которая всё это время сидела у окна с книгой и тихо улыбалась.

— Ладно, — сказала Алиса. — Камешки я пока уберу в сундук. Нить заменим. А тебе, Буся, если хочешь быть полезной, — вот тебе настоящее задание: выучи первое правило дома.

— Какое? — Буся аж подпрыгнула.

— Не хватать без спроса то, что не принадлежит тебе.

— А если оно принадлежит всем?

— Тогда спросить.

— А если все спят?

— Тогда дожидаться утра.

— А если утро не наступит?

— Наступит. У нас, знаешь ли, всегда наступает.

Буся задумалась, потом кивнула.

— Хорошо. Я буду спрашивать. Но только если это не срочно.

— Договорились.

Завтрак прошёл почти мирно. Почти — потому что Буся, пытаясь доказать свою полезность, вызвалась помогать Андрону накрывать на стол и в результате уронила горшочек с мёдом, облила себя молоком и едва не подожгла скатерть, слишком близко подойдя к свече. Андрон, отобрав у неё посуду, усадил зверька на лавку и вручил ей деревянную ложку — как выяснилось исключительно для того, чтобы занять лапки.

— Вот, — сказал он, — сиди и стучи по миске. Музыка разводи.

— А можно я лучше помогу резать хлеб? — с надеждой спросила Буся.

— Нет!

— А тесто месить?

— Нет!!

— А пол подметать?

— Ты вчера подметала! Я потом полдня веник искал! Он у тебя в зубах был!

— Я его как добычу несла! Это инстинкт!

— У тебя инстинкт — безобразие! — отрезал домовой.

Мирон, наблюдая за этой сценой, мстительно усмехнулся в усы.

— Что, Андронушка, — елеиным голосом произнёс он, — а ты говорил «игрушка». Вот и получай игрушку.

— Замолчи, полосатый, — огрызнулся домовой. — Это наша общая игрушка.

— Я не игрушка! — возмутилась Буся. — Я — дух леса!

— Дух — это состояние души, — философски заметил Мирон. — А игрушка — это состояние тела. У тебя тело игрушечное.

Буся надулась так, что стала похожа на мохнатый колобок с лапками.

— Вот пойду к Осине и пожалуюсь! — пригрозила она.

— Осина сам к нам придёт, — неожиданно серьёзно сказала Алиса, поднимаясь из-за стола. — Я чувствую. Он уже близко.

И правда: не прошло и десяти минут, как в дверь постучали — три глухих, размеренных удара, какие бывают, когда стучит рука с ладонью из коры.

Осина вошёл, пригнувшись в дверном проёме, и сразу заполнил собой половину горницы. Он был мрачнее обычного:

мох на его плечах потемнел, а в глазах, зелёных, как весенняя листва, тлела тревога.

— Северная граница, — произнёс он без предисловий. — Шёпот усилился. Прошлой ночью он перешёл в слова.

— Какие слова? — спросила Алиса.

— Я не разобрал. Древние. Гортанные. Но одно повторялось снова и снова. Оно звучало как... «иди».

— Кому «иди»?

— Не знаю. Может, тебе. Может, тем, кто слушает. Может, тем, кто уже идёт.

Алиса переглянулась с Мироном. Кот был серьёзен, как перед боем.

— Шёпот из-под земли, — медленно произнесла она. — Это не Существо. Существо спит под Москвой. А это северная граница, за несколько километров отсюда. Другое место.

— Или то же самое, только корни тянутся шире, — добавила Заряна, откладывая книгу. — То, что мы закрыли дверь в Коломенском, не значит, что выхода больше нет. Возможно, там, на севере, открывается новая рана.

— Нужно идти, — Алиса поднялась. — Немедленно.

— Я с вами, — Осина выпрямился. — Лес знает дорогу.

— И я! — Буся спрыгнула с лавки. — Я — дух леса! Я нужна!

Мирон хотел возразить, но Алиса остановила его жестом.

— Пусть идёт. Она должна учиться. Но, Буся, — Алиса наклонилась к зверьку, — если я скажу «стой» — ты стоишь.

Если я скажу «молчи» — ты молчишь. Понятно?

— Понятно! — Буся закивала так быстро, что её уши захлопали.

— Вот и отлично.

Сборы были недолгими. Алиса взяла огарок, узелок с травами, флягу с водой и, поразмыслив, ту самую монету, которую Семён вернул духу огня — вернее, её точную копию, вырезанную из воска. Она не знала, зачем. Просто внутренний голос подсказал.

— Андрон, оставайся за старшего, — сказала она уже в дверях.

— Да что ж такое, — проворчал домовой, — вечно я остаюсь. Может, хоть раз меня в поход возьмёте?

— Кто-то же должен хранить очаг.

— Очаг похранит и сам! Он у нас умный!

— Андрон, — Алиса подошла и погладила его по лохматой голове, — ты не просто хранишь очаг. Ты хранишь дом. А дом без тебя — просто брёвна. Понимаешь?

Домовой потупился, но в глазах его засветилась гордость.

— Ну, раз так... идите. Только возвращайтесь скорее. И чудище это мохнатое берегите. Оно, конечно, надоеда, но... своё уже.

— Своё, — улыбнулась Алиса.

Северная граница леса встретила их тишиной. Не той живой тишиной, которая наполнена дыханием зверей и шелестом листвы, а глухой, ватной, как перед сильной грозой. Де-

ревья здесь стояли плотной стеной, и их ветви переплетались так густо, что даже дневной свет проникал сюда с трудом.

— Здесь всегда было так? — тихо спросила Алиса.

— Нет, — так же тихо ответил Осина. — Раньше тут пели соловьи. Теперь — только шёпот.

Они вышли на небольшую поляну, поросшую черничником и папоротником. Посреди поляны, из земли, торчал большой валун, расколотый надвое, словно кто-то ударил по нему исполинским топором. Из трещины поднимался лёгкий, едва заметный пар.

— Здесь, — Осина указал на валун. — Шёпот идёт отсюда.

Алиса подошла ближе и приложила ладонь к камню. Тот был холодным, но не мёртвым. Внутри, в самой сердцевине, что-то слабо пульсировало. И это «что-то» было ей знакомо.

— Это не Существо, — прошептала она. — Это... семя.

— Семя чего? — спросил Мирон.

— Деревя. Очень старого. Того, что росло здесь до леса. Его корни уходят вглубь на сотни метров. И оно... зовёт.

— Кого?

Алиса не успела ответить. Из-под земли донёсся звук — не шёпот, а скорее стон. Низкий, протяжный, полный такой тоски, что у всех четверых сжались сердца.

— Иди, — прозвучало из трещины. — Иди ко мне.

Буся вдруг вырвалась из-за спины Мирона и бросилась к валуну.

— Буся! — крикнул кот, но было поздно.

Зверёк прижался к холодному камню, обхватив его лапами, и замер. На мгновение показалось, что она тоже стала частью валуна. Потом её шёрстка вспыхнула мягким, золотистым светом, и из трещины навстречу ей поднялся такой же золотистый росток — тонкий, хрупкий, тянущийся к свету.

— Я слышу, — прошептала Буся. — Оно не зовёт наружу. Оно зовёт вниз.

— Что это значит? — не понял Осина.

— Оно хочет, чтобы его корни снова соединились с землёй. Но кто-то вырвал один корень. И теперь дерево болеет. А вместе с ним — вся северная граница.

Алиса переглянулась с Мироном. По спине пробежал холодок.

— Корень-хранитель, — произнесла она. — Тот, что мы вернули Игорю. Это не случайность. Дерево на северной границе и корень, найденный на даче, — они связаны.

— И кто-то знал об этом, — медленно добавил кот. — Кто-то специально вырвал корень, чтобы дерево ослабло.

— И когда дерево ослабнет, граница падёт.

Буся оторвалась от валуна и повернулась к ним. Её глаза, обычно весёлые и озорные, теперь были серьёзными, как у взрослого зверя.

— Мы должны помочь ему, — сказала она. — Я... я слышу его боль. Оно плачет.

Мирон подошёл к ней и, к всеобщему удивлению, лизнул её в лоб.

— Ты сегодня молодец, мелочь, — тихо сказал он. — Настоящий дух.

Буся удивлённо моргнула, а потом, впервые за всё время, не нашлась, что ответить.

Алиса опустила руку на колени у валуна и положила руку на тёплый росток.

— Мы вернёмся, — пообещала она. — Мы найдём способ тебя исцелить.

Из трещины снова донёсся шёпот, но теперь он был другим — не зовущим, а благодарным.

Обратно шли молча. Каждый думал о своём. Мирон — о том, что Буся впервые показала себя не просто забавной зверушкой, а существом с настоящей силой. Осина — о том, что его лес снова в опасности, но теперь у него есть союзники. Алиса — о том, как всё связано: корни, деревья, границы, люди, духи. И о том, что враг, укравший корень-хранитель, не остановится.

Только когда впереди показалась крыша Волшебного Дома, Буся нарушила тишину:

— А можно я сегодня буду спать на твоём хвосте? — спросила она Мирона.

Кот закатил глаза, но ответил:

— Только если не будешь дегустировать.

— Честное слово! — Буся прижала лапку к груди. —

Только понюхаю.

— Нюхать тоже нельзя!

— А глазом?

— Глазом можно. Одним. И только левым.

— А почему левым?

— Потому что правый у тебя слишком наглый.

Буся захихикала, и этот смех разрядил напряжение лучше любых заклинаний.

А дома их уже ждал Андрон с кипящим самоваром, свежими пирожками и новостью:

— Пока вас не было, приходила женщина из посёлка. Просила помочь. Говорит, у неё в доме зеркала плачут.

— Плачут? — переспросила Алиса.

— Ну да. Слезы текут. Вода солёная. И отражения... не её. Алиса вздохнула и повесила полушубок на крюк.

— Что ж, — сказала она, — видимо, день ещё не закончился.

— А у ведьмы он когда-нибудь заканчивается? — усмеялся Мирон.

— Никогда, — ответила Буся, уже забравшаяся на лавку и свернувшаяся калачиком. — Ведьма — это навсегда.

И в этом была вся правда.

Конец второй главы.

В следующей главе: Алиса отправляется к женщине с плачущими зеркалами, чтобы выяснить, кто смотрит на неё из зазеркалья. А тем временем у северной границы проис-

ходит нечто, что заставит всех духов леса поднять голову.

Глава 3. В которой Алиса узнаёт, что зеркала плачут не просто так, а Буся знакомится с господином Усачом

Утро следующего дня выдалось такое прозрачное и тихое, что хотелось разговаривать только шёпотом, а лучше — вообще молчать, слушая, как просыпается лес. Солнце поднималось над еловыми макушками медленно, словно нехотя, и его лучи, ещё не набравшие дневной силы, мягко золотили мокрую от росы траву. Пахло смолой, молодым папоротником и той особенной, ни с чем не сравнимой свежестью, какая бывает в лесу только после ночного тумана.

Алиса вышла на крыльцо с кружкой взвара в руке. На ступеньке, свернувшись в пушистый клубок, спала Буся. Во сне она смешно дёргала задней лапкой и тихонько попискивала. Рядом, на перилах, как изваяние, сидел Мирон и смотрел на неё с выражением, в котором причудливо смешались умиление, раздражение и что-то похожее на гордость.

— Она опять во сне разговаривает, — сообщил кот, не поворачивая головы. — Бормочет что-то про жёлуди и говорящие пни.

— Пусть спит, — улыбнулась Алиса. — У неё был трудный день. Она, между прочим, спасла нам голову.

— Ну, спасла — это громко сказано, — Мирон всё-таки повернулся. — Скорее, внесла сумбур. Но, признаю, в ней есть что-то. Какая-то искра. Такая же, как была у Серафимы,

только ещё маленькая и очень наглая.

— Ты просто боишься признать, что привязался.

— Я боевой фамильяр. Я не привязываюсь. Я тактически заинтересовываюсь.

— Ну-ну, — Алиса сделала глоток. — А то, что ты ей хвост отдал вчера, — это тоже тактическая заинтересованность?

— Я не отдавал! Она сама взяла!

— Ты не убрал.

Мирон не нашёлся с ответом и снова уставился на Бусю. Та, почувствовав внимание, открыла один глаз, потом второй, сладко зевнула и села, почёсывая за ухом.

— Доброе утро! — пропищала она. — А мне снилось, что я — большое дерево. Ветки у меня были — во! Корни — во! И на мне сидел филин и рассказывал анекдоты.

— Какие анекдоты? — недоверчиво спросил Мирон.

— Не помню. Помню только, что смешные. Особенно про зайца и лису. Хотя, может, это был не филин, а ты. Ты умеешь рассказывать анекдоты?

— Я умею только разочаровываться.

— Ой, — Буся наклонила голову. — А разочаровываться — это как?

— Это когда ждёшь, что день будет спокойным, а потом в доме появляется мохнатое недоразумение, которое поёт по ночам.

— Я не пою! Я... издаю звуки.

— Вот именно.

Алиса, понимая, что перепалка может затянуться, поставила кружку на перила и хлопнула в ладоши.

— Так, всё. Подъём. У нас сегодня дело: идём в Заречье, к женщине с плачущими зеркалами. Андрон уже собрал сумку.

— А можно мне сначала позавтракать? — жалобно спросила Буся.

— А ты уже завтракала. Во сне. Видела, как у тебя рот двигался.

— Это я жёлудь жевала! — обиделась Буся. — Во сне жёлуди не настоящие, они не считаются.

— Ладно, возьмишь с собой лепёшку, — сдалась Алиса. — Только не кроши на Мирона.

— Я не крошу. Я аккуратно.

— Ты вчера умудрилась крошками засыпать всю лежанку.

— Это была не я. Это лепёшка сама.

Мирон закатил глаза и спрыгнул с перил.

— Пойдём, горе моё. Только держись рядом и не нюхай ничего подозрительного.

— А что значит «подозрительное»? — Буся посеменила за ним, смешно переваливаясь на коротких лапках.

— Всё, что движется и не является мной.

— А если это Алиса?

— Алиса движется, но это не подозрительно.

— А если это Андрон?

— Андрон не движется. Андрон сидит дома и изображает предмет интерьера.

Из-за двери донёлся возмущённый голос Андрона:

— Я всё слышу, полосатый! И я не предмет! Я — хранитель очага!

— Хранитель очага, который подслушивает, — парировал Мирон.

— Это не подслушивание! Это бдительность!

Дорога до Заречья была неблизкой, но приятной. Лес постепенно редел, уступая место заливным лугам, на которых уже поднялась первая, изумрудная трава. Кое-где цвели одуванчики, и Буся, увидев их, пришла в полный восторг.

— Смотрите! Жёлтые! Как маленькие солнышки! — закричала она и бросилась нюхать цветы.

— Осторожно, они могут чихнуть, — предупредил Мирон.

— Кто — одуванчики? — не поняла Буся.

— Ну, пыльца. Или пчёлы. Или ты на них наступишь и начнёшь орать.

— Я не наступлю. Я умею ходить.

— Ну-ну.

Алиса, шагавшая впереди, обернулась.

— Кстати, о пчёлах. В Заречье, говорят, пасека хорошая. Может, купим мёда.

— Я не ем мёд, — заявил Мирон.

— А я ем! — воскликнула Буся и подпрыгнула. — И ещё

я люблю, когда мёд на хлебе, а потом хлеб в чае, а потом чай на полу.

— Всё с тобой ясно, — вздохнул кот.

Луг сменился полем, поле — берёзовой рощей, за которой и показался посёлок. Заречье оказалось небольшим: два десятка домов, раскиданных вдоль речушки с прозрачной, горючей водой. На окраине, у самой кромки леса, стоял аккуратный домик с голубыми наличниками и палисадником, в котором уже распускались тюльпаны.

— Это здесь, — сказала Алиса, сверяясь с описанием Андрона.

На крыльцо, слышав шаги, вышла женщина. Ей было лет шестьдесят, невысокая, сухоощавая, с туго заколотыми седыми волосами и тревожными, покрасневшими от бессонницы глазами. Одета она была в тёмную юбку и серую кофту, накинутую на плечи, как плащ. В руках теребила мокрый носовой платок.

— Здравствуйте, — произнесла она тихо. — Вы ведьма? Мне сказали, вы помогаете... с такими вещами.

— Помогаю, — Алиса кивнула. — Я Алиса. А это мои спутники: Мирон и Буся. Не пугайтесь, они не опасны.

— Я не пугаюсь, — женщина слабо улыбнулась. — После того, что я видела в зеркале, меня уже ничем не напугаешь. Меня зовут Валентина Павловна.

Она провела их в дом. Внутри было чисто и уютно, но воздух стоял тяжёлый, застойный, с едва уловимым запахом

сырости и соли. На стенах — вышитые полотенца, на подоконниках — герань, на столе — недошитое кружево. И зеркала. Они были везде: в прихожей — большое, в деревянной раме; в горнице — круглое, с потрескавшимся серебром; в спальне — узкое, как бойница.

И все они плакали.

По стеклу стекали крупные, тяжёлые капли. Они собирались внизу, у края рамы, и капали на пол, образуя маленькие лужицы. Вода была солёной — Алиса знала это, даже не пробуя. Такие слёзы бывают только у тех, кто потерял надежду.

— Началось это неделю назад, — рассказывала Валентина Павловна, кутаясь в кофту. — Сначала я думала — конденсат. Весна, влажность. Потом заметила, что капли тёплые и солёные. А вчера... — она запнулась, — вчера в большом зеркале вместо моего отражения я увидела её.

— Кого — её? — спросила Алиса.

— Женщину. Молодую. В старинном платье. Она стояла за моей спиной и смотрела на меня. Глаза у неё были... как у утопленницы.

Буся, сидевшая на руках у Мирона, тихонько ойкнула и спрятала мордочку.

— А я не боюсь, — тут же добавила она шёпотом, но так, чтобы все слышали. — Просто тут пыльно.

— Конечно, не боишься, — Мирон покосился на неё. — Ты же у нас боевой дух.

— Я не боевой. Я — дух-хранительница. Но я ещё учусь

хранить. И бояться я тоже учусь. Немножко.

Алиса подошла к большому зеркалу и приложила ладонь к стеклу. Оно было холодным, но не как мёртвый камень, а как вода в проруби — обжигающе-ледяным. Огарок в кармане тотчас отозвался, вспыхнул зелёным, неровным светом.

— Здесь заперта душа, — произнесла Алиса, не оборачиваясь. — Не проклятие. Не сглаз. Кто-то запер в этом зеркале отражение умершей женщины. И теперь оно пытается выбраться.

— Но как оно сюда попало? — спросила Валентина Павловна.

— Это могло случиться очень давно. Возможно, это зеркало было свидетелем чьей-то гибели или обряда. Зеркала, особенно старые, обладают памятью. Иногда в них застревают осколки душ — тех, кто умер перед ними или оставил в них частицу себя. Если такую частицу не отпустить, она начинает плакать. Буквально.

— И что теперь делать?

— Провести обряд освобождения. Но для этого нужно знать имя женщины.

Валентина Павловна побледнела.

— Имени я не знаю. Зеркало досталось мне от бабушки, а той — от её бабушки. Раньше оно висело в старом доме на берегу. Там, говорят, до революции жила мельничиха. Утонула в реке. Может, это она?

— Узнаем, — Алиса сняла с плеча сумку и выложила на

стол травы, маленькую глиняную плошку и бутылёк с родниковой водой. — Мне нужно, чтобы вы отошли к окну и не смотрели в зеркала. Мирон, закрой двери. Буся, сядь на стул и не двигайся. Ты будешь якорем.

— Кем? — Буся удивлённо захлопала глазами.

— Якорем. Тем, кто держит человека в мире живых. Если душа начнёт тянуть меня к себе, ты должна будешь меня окликнуть.

— А можно я вместо этого буду тебя щекотать? — с надеждой спросила Буся.

— Нет.

— А дёргать за подол?

— Нет.

— А просто смотреть с восхищением?

— Смотри. Но молча.

— Молчу! — Буся прижала лапки ко рту.

Алиса расставила вокруг зеркала семь свечей — по числу трав, которые она собирала вчера на закате: зверобой, полынь, крапива, ромашка, мята, душица и тысячелистник. Каждую свечу она окунула в настой и зажгла от зелёного огарка. Пламя у свечей получилось странное — не жёлтое и не голубое, а серебристо-зелёное, с искрами.

Потом она налила в плошку родниковую воду, размешала в ней щепотку соли и начала читать заговор. Слова были из книги Серафимы — той самой главы, что называлась «О запертых отражениях». Они лились негромко, но весомо, и с

каждым словом в комнате становилось всё холоднее.

Слёзы на зеркале потекли сильнее. Стекло запотело, пошло рябью, и в глубине, как из тумана, проступила фигура. Высокая, тонкая, в длинном светлом платье. Лицо бледное, с большими тёмными глазами, в которых стояла не злоба — бесконечная, изматывающая тоска.

— Кто ты? — спросила Алиса, глядя прямо в эти глаза.

— Я — Аграфена, — ответила фигура, и голос её донёсся как сквозь воду. — Мельничиха. Утонула в реке в ночь на Ивана Купалу. Но не ушла. Осталась. Заперли меня в этом стекле, как муху в янтаре.

— Кто запер?

— Тот, кто меня утопил. Он испугался, что я вернусь. Принёс зеркало, поставил против меня и прочитал чёрный заговор. С тех пор я здесь. Сто лет. И буду сто, пока кто-нибудь не отпустит.

— Я отпущу, — сказала Алиса. — Но ты должна обещать, что уйдёшь тихо. Без мести. Без злобы.

Аграфена усмехнулась — горько, одними губами.

— Месть? Зачем? Того, кто меня утопил, давно черви съели. А я устала. Мне просто нужно уйти.

— Тогда иди.

Алиса взяла плошку с солёной водой и выплеснула на зеркало. Вода растеклась по стеклу, и на мгновение показалось, что зеркало закипело. Аграфена протянула руку — и Алиса, не думая, коснулась её ладони.

Холод был такой, что перехватило дыхание. Потом — вспышка. И тишина.

Зеркало опустело. Слёзы перестали течь. По стеклу, сверху вниз, медленно стекла последняя капля — и растворилась, не долетев до пола.

Валентина Павловна, всё это время стоявшая у окна, тихо заплакала — уже по-своему, по-человечески.

— Ушла? — прошептала она.

— Ушла, — Алиса обернулась. — Зеркало чисто. Можете не бояться.

Буся, которая весь ритуал просидела, не дыша, вдруг громко выдохнула:

— Уф! Я думала, у меня сердце выпрыгнет! А оно не выпрыгнуло! Оно у меня, оказывается, крепкое!

— У тебя не сердце, а железный мотор, — проворчал Мирон, но в голосе его слышалось явное облегчение.

Алиса между тем собирала вещи. В комнате стало теплее, воздух очистился, и даже герань на подоконнике, кажется, зазеленела ярче.

— Погодите, — Валентина Павловна вдруг подошла к столу и выдвинула ящик. — Вот. Это вам. От души.

Она протянула Алисе маленький свёрток — старую, пожелтевшую от времени карту, перевязанную голубой лентой.

— Что это?

— Карта реки. Мой дед был лоцманом. Говорил, что на этой карте отмечены все броды, все омуты и все места, где

берега «дышат». Я думала, брешет. А теперь понимаю — нет. Вам нужнее.

Алиса развернула карту. Это был искусно нарисованный план речной долины, с отметками, подписями и странными значками. Один из значков, у излучины, где река подходила ближе всего к лесу, был обведён красным. Над ним рукой деда было написано: «Здесь земля стонет. Не ходить».

— Спасибо, — серьёзно сказала Алиса. — Это очень ценный подарок.

Когда они вышли из дома, солнце уже поднялось высоко, и воздух над речкой дрожал от тепла. Буся, гордая и счастливая, бежала впереди, периодически оборачиваясь и сообщая:

— Я была якорем! Самым настоящим! Меня даже свечи не сожгли! И я не чихнула!

— Ты вообще чихаешь только тогда, когда жуёшь лепёшку, — заметил Мирон.

— Это потому, что лепёшка щекотная!

На обратном пути, у самой опушки, Буся вдруг остановилась и принялась.

— Там что-то есть, — сказала она, указывая лапкой на куст дикой смородины.

— Опять «что-то»? — насторожился кот. — Если это ёж, я с тобой не разговариваю.

— Нет, не ёж. Это... жук.

Она раздвинула листья и вытащила оттуда большого чёр-

ного жука с длинными усами и блестящей спинкой. Жук солидно шевелил усами, ничуть не смущаясь.

— Смотрите! — Буся поднесла его к лицу. — Это господин Усач! Он будет моим другом!

— У тебя уже есть друг, — ревниво буркнул Мирон.

— Кто?

— Я.

Буся на мгновение растерялась, потом просияла.

— Ты не друг. Ты — братик. А это — господин Усач. Со всем другое.

— И куда ты его денешь?

— Понесу домой! Он будет жить на окне и смотреть, как я сплю.

— Жуки не смотрят. Они жуют.

— Ничего. Пусть жуёт. У нас травы много.

Мирон вздохнул и махнул хвостом.

— Ладно. Но если он поползёт ко мне в миску — пеняй на себя.

— Не поползёт! Он воспитанный. Правда, господин Усач?

— Буся поднесла жука к уху, делая вид, что слушает. — Он говорит: «Конечно».

— Он ничего не говорит.

— Он говорит, но ты не слышишь, потому что у тебя уши заняты самомнением.

Мирон поперхнулся.

— Это где ты такого набралась?

— У тебя, — безмятежно ответила Буся и запрыгала вперёд.

Алиса, шедшая позади, тихо рассмеялась. Она смотрела на эту парочку — большого серого кота и маленького пушистого зверька с жуком на лапке — и понимала, что, несмотря ни на что, жизнь в Волшебном Доме становится всё более похожей на то самое «настоящее», ради которого стоит просыпаться по утрам.

Вечером, когда вернулись, Андрон встретил их на пороге с тревожной вестью:

— Осина приходил, — сообщил он, не дав Алисе даже снять полушубок. — Говорит, у северной границы начали распускаться цветы. Но не простые — чёрные. И пахнут они... как погреб.

— Как погреб? — переспросила Алиса.

— Ну, как сырая земля и старые корни. И ещё, говорит, из-под земли слышен не только шёпот. Теперь там кто-то ходит.

— Люди?

— Не люди. Что-то крупное. Следы, как от медведя, только когти длиннее. И в этих следах не вода — чёрная жижа. Мирон насторожился.

— Это не просто дерево болеет, — тихо сказал он. — Это кто-то хочет, чтобы дерево умерло. И этот кто-то не остановится на корнях.

Алиса посмотрела на карту, которую дала Валентина Пав-

ловна, на значок «Здесь земля стонет» и на чёрные цветы за окном, которых не было видно, но которые уже существовали где-то на северной границе.

— Завтра идём туда, — сказала она. — Хватит ждать.

— А как же господин Усач? — спросила Буся, прижимая к груди жука.

— Господин Усач останется дома. С Андроном. Присматривать за печью.

— Но он же скучать будет!

— Он будет не скучать, а нести боевое дежурство, — вмешался Мирон. — Это почётная должность для жука. Не каждый жук достаивается охранять дом.

Буся задумалась, потом кивнула.

— Ладно. Пусть охраняет. Но только если Андрон даст ему крошку хлеба.

— Дам, — пообещал домовый. — И хлеба, и молока в блюде. Чтобы нёс службу бодро.

Так и порешили.

Ночью, когда все уснули, Алиса ещё долго лежала без сна, глядя в потолок. На сердце было тревожно, но не безнадежно. Она знала: впереди — тьма, но за спиной — дом, друзья и маленький пушистый дух, который верит, что всё будет хорошо.

И, как ни странно, от этого становилось спокойнее.

Конец третьей главы.

В следующей главе: Алиса и её отряд отправляются к се-

верной границе, где их ждут чёрные цветы, странные следы и первая встреча с тем, кто хочет погубить древнее дерево. Буся проявит неожиданную храбрость, а Мирон — удивительную нежность, которую тщательно скрывает.

Глава 4. В которой отряд выходит к северной границе, а чёрные цветы оказываются не просто цветами

Вышли затемно, когда небо только начало сереть и туман ещё лежал в низинах, как пролитое молоко. Алиса шагала первой, и её сапоги оставляли на мокрой от росы траве чёткие, решительные следы. За ней, ступая почти бесшумно, шёл Осина — леший, как всегда, возникший из леса в самый нужный момент, словно он не уходил вовсе, а ждал за ближайшей елью. Мирон замыкал процессию, а на его спине, вцепившись лапками в шерсть и свесив уши набок, ехала Буся. Она то вертела головой, то принюхивалась, то внезапно начинала шептать что-то на ухо Мирону, отчего тот дёргал ухом и шипел: «Отстань».

— Это не я, — оправдывалась Буся. — Это у меня мысли громкие.

— У тебя не мысли, а погремушка, — ворчал кот. — Всё время брякает.

— Зато весело. Вот ты бы шёл и молчал, как пень. А со мной — как с песней.

— С какой ещё песней?

— С хорошей. Про зайцев.

— Я не хочу про зайцев.

— А про ежей?

— Тем более.

— Про жуков?

— Буся!

— Всё, молчу. Но только учти: если я буду молчать, мне станет скучно, а если мне станет скучно, я начну грызть твой хвост. Это не угроза, это факт.

Мирон вздохнул так, словно на него взвалили все беды мира, и процедил:

— Ладно. Рассказывай про зайцев.

И Буся, счастливая, зататорила. Алиса, слушая её щебет, невольно улыбалась. В этом было что-то правильное: идти через тёмный лес, зная, что за спиной кто-то рассказывает глупости про зайцев. Такой вот якорь в мире живых.

Лес по мере продвижения к северной границе менялся. Сначала это был знакомый, приветливый лес, полный птичьего гомона и запаха смолы. Потом деревья стали выше и мрачнее, их ветви переплелись так густо, что небо скрылось вовсе. Трава под ногами поредела, сменилась мхом, который пружинил, как старая перина. А потом появились цветы.

Они росли не кучками и не полянками — а поодиночке, как солдаты на параде. Высокие, по колено, на толстых, бледных стеблях. Лепестки у них были чёрными, как вороново крыло, но не сухими, а сочными, блестящими, и в их глубине переливался тёмно-фиолетовый оттенок. Пахли они и

впрямь как погреб: сырой землёй, прелой листвой и чем-то затхлым, что бывает в давно не открываемых подвалах.

— Они красивые, — тихо сказала Буся, свешиваясь с Мирона. — Но от них мурашки.

— У тебя от всего мурашки, — проворчал кот, но было заметно: ему и самому не по себе.

— Не от всего. От тебя, например, не мурашки. От тебя — тепло.

— Замолчи, — буркнул Мирон, но хвост его предательски дрогнул.

Осина остановился и поднял руку. Все замерли.

— Дальше — их больше, — произнёс леший. — Чёрные цветы растут там, где земля гниёт. Они не просто пахнут смертью. Они её пьют.

— Как это — пьют? — спросила Алиса.

— У них корни, как щупальца. Они тянутся к тому, что уже начало умирать, и высасывают последнюю силу. Дерево, которое растёт у северной границы, болеет. И эти цветы — его болезнь. Если мы не остановим их, через месяц здесь будет пустошь.

— А следы? Следы того, кто ходит?

— Там, впереди. У самого корня.

Они двинулись дальше, теперь уже осторожно, огибая чёрные цветы, которые, казалось, поворачивали головки им вслед. Буся ехала на Мироне, вцепившись в его шерсть так, что побелели лапки.

— А они смотрят, — прошептала она. — Прямо на меня.

— Не бойся, — сказал Мирон, и в его голосе не было ни иронии, ни насмешки. — Я рядом.

— Я не боюсь. Просто мне кажется, что они хотят меня съесть.

— Они цветы, а не людоеды.

— Ну, знаешь, некоторые цветы очень даже. Я в лесу видела росянку. Она муху съела. Муха была большая, солидная. А меня-то точно на пару укусов хватит.

— Тебя не хватит. Ты бессмертная, как комар.

— Это я да! — Буся приободрилась. — У меня живучесть повышенная.

Наконец лес расступился, и перед ними открылась поляна. Вернее, то, что когда-то было поляной, а теперь стало чем-то вроде поля боя. Земля здесь была изрыта, как будто по ней прошлись гигантским плугом. Кое-где чернели глубокие провалы, из которых поднимался всё тот же пар — белый, влажный, пахнущий подземельем. Чёрные цветы здесь росли уже сплошным ковром, и их запах был так густ, что кружилась голова.

А в центре поляны стояло дерево.

Алиса никогда не видела ничего подобного. Оно было огромным — не в высоту даже, а вширь, словно росло не вверх, а во все стороны сразу. Его ствол, толщиной с три обхвата, был покрыт корой, которая в предрассветном сумраке отливала серебром. Ветви, как руки, тянулись к небу и к

земле одновременно, сплетаясь в причудливые узлы. А корни... корни выходили из-под земли и снова уходили в неё, как будто дерево не стояло на земле, а обнимало её.

И всё это великолепие было поражено болезнью. Кора на стволе потрескалась, из трещин сочилась тёмная, смолистая жидкость. Часть ветвей почернела и скрючилась. А вокруг, у самого основания, земля просела, образовав широкую воронку, в которой копошились чёрные корни цветов, оплетая живые корни дерева, как змеи.

— Вот оно, — прошептал Осина. — Древо-Страж. Одно из трёх, что держат границу. Два других пали давно. Это — последнее.

— И оно умирает, — добавил Мирон, спрыгивая с корней и позволяя Бусе скатиться на землю.

Буся, однако, не стала скатываться. Она стояла как вкопанная, глядя на дерево, и в её глазах отражался не страх, а что-то иное. Узнавание.

— Я его знаю, — прошептала она. — Оно меня звало. Во сне.

Алиса вспомнила: когда Буся впервые пришла к Дому, она была мокрой, голодной и всё время бормотала что-то про большое дерево, которое «плачет». Тогда все подумали, что это просто бред ослабшего зверька. А выходит, она и правда слышала зов.

— Что оно говорит сейчас? — спросила Алиса.

Буся прислушалась, склонив голову набок.

— Оно не говорит. Оно стонет. Ему больно. Цветы пьют его корни.

В этот момент из-за ствола дерева, из тени, вышло нечто.

Сначала Алисе показалось, что это медведь — такой же крупный, с мощными лапами и низко посаженной головой. Но потом существо разогнулось, встало на задние лапы, и стало видно: это не зверь. Вернее, не совсем зверь. Ростом оно было с небольшого лешего, тело покрыто густой, сваливающейся шерстью, но лицо... лицо было человеческим. Искажённым, вытянутым, с глубоко посаженными глазами, в которых не было ничего, кроме голода.

— Вот и хозяин цветов, — глухо произнёс Осина.

Существо зарычало — низко, утробно, и от этого рыка чёрные цветы вокруг закачались, как от ветра.

— Это не хозяин, — вдруг сказала Буся, и голос её прозвучал неожиданно твёрдо. — Это пленник. Оно тоже страдает. Цветы росли в него. Они им управляют.

— Откуда ты знаешь? — удивился Мирон.

— Я вижу. У него в груди — цветок. Большой, чёрный, с белыми прожилками. Он пустил корни в сердце.

Алиса пригляделась — и правда: в груди существа, там, где должна была быть грудная клетка, просвечивало что-то тёмное, пульсирующее. Цветок-паразит.

— Его нужно освободить, — продолжала Буся. — И тогда цветы потеряют силу.

— Как освободить? — спросил Осина.

— Вырвать цветок. Но осторожно, иначе сердце остановится.

Алиса уже рылась в сумке. Травы, нож, фляга с родниковой водой. Она не была целительницей, но кое-что из книги Серафимы помнила.

— Мирон, отвлеки его. Осина, держи цветы. Буся, — она посмотрела на зверька, — ты пойдёшь со мной. Ты будешь говорить с ним, пока я буду резать.

— А что говорить?

— Что-нибудь доброе. Он сто лет не слышал добрых слов.

Буся расправила плечи и, пересилив страх, вышла вперёд.

— Здравствуйте, — сказала она, глядя на существо. — Меня зовут Буся. Я — дух леса. Ну, почти. Я знаю, вам больно. Я тоже иногда болею. Вот недавно я объелась желудями и думала, что лопну. Но потом поспала, и всё прошло. Вам тоже надо поспать. Но сначала — мы вытащим из вас эту гадость. Потерпите, пожалуйста. Это будет немножко больно, как занозу вытаскивать. Вы когда-нибудь занозы вытаскивали? Вот, примерно так же.

Существо перестало рычать. Оно смотрело на Бусю, и в его мутных глазах что-то дрогнуло — не разум, но тень разума.

— Иди, — шепнула Алиса.

Она подошла к существу, выбрав момент, когда Мирон прыгнул и вцепился в его правую лапу, отвлекая. Осина, разросшись до размеров дуба, обхватил левую. Существо взре-

вело, попыталось вырваться, но хватка была крепкой.

Алиса вонзила нож в то место, где пульсировал цветок, и, действуя одним точным движением, поддела корни. Существо взвыло. Чёрный цветок в его груди задрожал, за пульсировал быстрее, пытаясь уйти глубже. Но Алиса держала.

— Буся! — крикнула она. — Говори с ним! Не замолкай!

— Эй, вы! — Буся подбежала ближе. — Не бойтесь! Я тут! Я вас не брошу! Вы только не дёргайтесь! Я знаю, как это противно, когда внутри что-то шевелится! У меня однажды в носу муха застряла! Я три дня чихала! Но потом она вылетела, и стало хорошо! И у вас вылетит! Только не мешайте!

Нож Алисы резал, раздвигал, разрывал. Чёрный цветок сопротивлялся, издавал тонкий, противный писк, но наконец с отвратительным чавкающим звуком вышел наружу. Алиса отшвырнула его в сторону, и Осина тут же наступил на цветок, раздавив в лепёшку.

Существо обмякло. Мирон отпустил его лапу, Осина отступил. Некоторое время все молча смотрели, как по груди существа, там, где только что был цветок, растекается чёрная кровь, сменяясь обычной, алой.

— Жить будет, — произнёс Осина. — Такие твари живучие.

— Оно не тварь, — тихо поправила Буся. — Оно — лесной дух. Его просто заколдовали.

И правда: с существа начали осыпаться чёрные цветы, которыми оно было усеяно, и под ними показалась шерсть —

не серая, не бурая, а тёплого, рыжеватого оттенка. Существо застонало и, пошатываясь, поднялось на задние лапы. Теперь, без паразита, оно выглядело иначе: меньше, тоньше, и в глазах вместо голода появилось что-то похожее на благодарность.

— Спасибо, — произнесло оно хрипло, и слово это далось ему с трудом, как будто он не говорил много лет. — Я был... в плену. Цветы нашли меня в овраге. Я подумал — красивые. Понюхал. А они... выросли.

— Это не твоя вина, — сказала Алиса. — Такие цветы не прощают любопытства. Теперь, когда корень-паразит уничтожен, остальные потеряют силу. Но дерево нужно очистить.

— Я помогу, — существо прижало лапу к груди, где уже затягивалась рана. — Я знаю, где их главный корень. Он в воронке, у основания.

Они спустились в воронку. Чёрные цветы, лишённые питания, начали вянуть на глазах, но у самых корней дерева ещё копошились их змеиные стебли. Алиса, вооружившись ножом и травами, принялась вырезать их, окутывая корни защитным настоем. Буся, как могла, помогала — выкапывала маленькие, особенно наглые отростки и отгрызала их (плевалась, но продолжала). Осина разводил чёрные стебли руками, не боясь их яда. Мирон, облизывая пострадавшую в бою лапу, руководил:

— Левее, Митрофанова. Вот тут ещё один вцепился, как

клещ. Да не рви так! Отпусти его корень! Он же в землю уходит!

— Спасибо, что так толково объясняешь, — огрызнулась Алиса. — Может, сам попробуешь?

— Я боевой фамильяр, а не садовник.

— А я — ведьма, а не хирург. Но приходится.

Через час, когда последний чёрный стебель был отделён от дерева, из-под корней вдруг вырвался луч света. Не яркий, не слепящий, а мягкий, золотистый, тёплый, как летнее утро. Дерево вздохнуло — и все услышали этот вздох, не ушами, а сердцем. Оно расправило ветви, кора на стволе посветлела, и в воздухе поплыл запах не погребя, а распустившихся почек.

— Оно благодарит, — прошептала Буся, прижимаясь к стволу. — Говорит, что теперь будет спать спокойно.

— Пусть спит, — улыбнулась Алиса. — Оно заслужило.

Возвращались через лес, уже освещённый утренним солнцем. Чёрных цветов больше не было — только пожухшие, полупрозрачные стебли, рассыпающиеся в пыль под ногами. Лес снова был прежним: зелёным, шумным, полным жизни. Птицы распевали так, будто наверстывали упущенное. Где-то вдалеке стучал дятел.

— Хороший день, — сказала Алиса, глядя на просветы между деревьями.

— Ага, — согласилась Буся, которая снова ехала на Мироне. — Мы спасли дерево. И того дядьку с цветком. И, на-

верное, весь лес.

— Ты сегодня была молодцом, — неожиданно серьёзно произнёс Мирон.

Буся аж поперхнулась.

— Ты меня похвалил? — недоверчиво переспросила она.

— Нет, — тут же пошёл на попятный кот. — Я сказал «молодцом». Это констатация факта, а не похвала.

— А по-моему, похвала.

— Ну, считай как хочешь.

— Тогда и ты молодец! — Буся чмокнула его в макушку.
— Ты так грозно рычал, что у меня аж шерсть дыбом!

— Это от умиления.

— Да? А я думала, от страха.

— Я не страшный, — обиделся Мирон. — Я грозный.

— Грозный-грозный, — согласилась Буся. — Но когда мурчишь, как чайник, — совсем не грозный.

— Я не мурчу!

— Мурчишь. Я слышала.

— Это у меня в животе бурчит.

— От умиления?

— От голода!

Осина, шедший рядом, тихо рассмеялся — низким, раскатистым смехом, похожим на шум ветра в кронах.

— С вами не соскучишься, — сказал он.

— Это точно, — отозвалась Алиса. — Скука нам не грозит.

У самого Дома их встретил Андрон. Он стоял на крыльце, прижимая к груди глиняный горшок, и выглядел невероятно гордым.

— А у нас новости! — объявил он, едва они подошли. — Во-первых, господин Усач съел весь хлеб. Во-вторых, к вам гость. Пришёл час назад. Сидит в горнице, пьёт чай. Говорит, что он — коллекционер.

— Коллекционер чего? — насторожилась Алиса.

— Говорит — старинных вещей. Но, по-моему, он просто странный. У него руки холодные, как у покойника.

Алиса переглянулась с Мироном.

— Интересно, — медленно произнесла она. — Очень интересно.

И, поправив растрепавшиеся волосы, шагнула в дом.

Конец четвёртой главы.

В следующей главе: таинственный гость-коллекционер оказывается не тем, за кого себя выдаёт, а его интерес к старинным вещам напрямую связан с картой реки, переданной Алисе. Буся устроит допрос с пристрастием, а Мирон выяснит, что у холодных рук бывают длинные намерения.

Глава 5. В которой гость оказывается холоднее, чем кажется, а старый гребень хранит не только волосы

В горнице пахло чаем, но не обычным — а каким-то чужим, терпким, с горчинкой, как будто в заварку подмешали сушёной полыни и ещё чего-то, чему Алиса не сразу нашла

название. На столе, рядом с самоваром, стояла чужая кружка — тонкого фарфора, с золотым ободком, явно не из Андроновой коллекции. Напротив, на лавке, выпрямив спину и положив руки на колени, сидел человек.

Он был невысок, худощав, одет в тёмно-серый костюм, который сидел на нём как-то слишком аккуратно, словно его сшили не для живого человека, а для восковой фигуры. Лицо — узкое, бледное, с тонкими губами и аккуратным, будто нарисованным пробором в пепельных волосах. Возраст угадывался с трудом: то ли сорок, то ли шестьдесят, а то и все сто, если бы не гладкая кожа без единой морщины. Глаза — светло-карие, почти жёлтые, смотрели на Алису с выражением вежливого, но цепкого интереса, как у оценщика в ломбарде.

— Добрый день, — произнёс он, приподнимаясь, и голос у него оказался тихий, вкрадчивый, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много говорит вполголоса. — Простите за незванный визит. Ваш... — он чуть запнулся, покосившись на Андрона, — ваш домочадец любезно позволил мне подождать.

— Это я-то любезно? — возмутился Андрон из-за печи. — Да я ему три раза сказал: сиди и не трогай ничего! А он всё равно к сундуку подходил!

— Я всего лишь любовался резьбой, — гость развёл руками, и в этом жесте было столько фальшивой невинности, что даже Буся, сидевшая на подоконнике, подозрительно прищу-

рилась.

— А зачем вы к сундуку подходили? — спросила она, свесив лапки. — Там не резьба, там замок. Замки не для любования, а для запираания.

Гость перевёл взгляд на Бусю, и в его жёлтых глазах на мгновение мелькнуло что-то острое.

— Какое милое существо, — произнёс он. — И такое... говорливое.

— Это у нас семейное, — отрезал Мирон, входя в горницу и вставая между гостем и Буськой. — Вы кто, собственно, такой?

— Меня зовут Аркадий Львович Прохоров, — гость слегка поклонился, но не Мирону, а Алисе. — Я коллекционер. Собираю старинные вещи, связанные с... как бы это выразиться... с народными верованиями. Амулеты, обереги, предметы с историей. Мне сказали, что вы — человек, который разбирается в подобных материях.

— Кто сказал? — спросила Алиса, садясь напротив.

— Одна моя знакомая. Маргарита Аркадьевна. Вы, кажется, встречались.

В горнице повисла тишина. Настолько плотная, что слышно было, как за окном шелестит листвой берёза. Мирон напрягся, как перед прыжком. Андрон, стоявший у печи, перестал дышать. Буся, почувствовав перемену, перестала болтать лапками и замерла.

— Вы знакомы с Гольц? — медленно произнесла Алиса,

не сводя глаз с гостя.

— Не то, чтобы знакомы, — Прохоров чуть улыбнулся. — У нас были... деловые отношения. Она хотела купить у меня одну вещь. Очень редкую. Но мы не сошлись в цене.

— И теперь вы пришли ко мне?

— Теперь я пришёл к вам, — он наклонился вперёд, и от него вдруг пахнуло холодом — тем самым, который Алиса уже научилась распознавать. Холодом старого серебра, каким веет от предметов, пролежавших в земле слишком долго. — Видите ли, Алиса, я много лет собираю то, что другие выбрасывают. И за эти годы я понял одну важную вещь: у каждой вещи есть хозяин. Настоящий хозяин. И если вещь попадает не в те руки, она начинает... болеть. А вместе с ней болеет и то, что её окружает.

— Красиво говорите, — заметила Заряна, которая всё это время стояла в дверях, скрестив руки. — И складно. Только вот беда: красивые речи чаще всего прикрывают некрасивые намерения.

Прохоров перевёл взгляд на неё, и на его лице мелькнуло узнавание.

— Заряна, — произнёс он. — А я всё думал, куда вы подевались. Слухи ходили, что вы погибли. А вы, оказывается, обитаете здесь.

— Я не обязана перед вами отчитываться, — холодно ответила Заряна. — И вам, Прохоров, я бы не советовала играть со мной в эти игры. Я знаю таких, как вы: заходите в

дом, говорите о вещах, а сами прицениваетесь к душам.

— Что вы, что вы, — Прохоров поднял руки в примирительном жесте. — Я не такой. Я всего лишь скромный собиратель. И пришёл я, между прочим, с предложением, которое может быть вам выгодно.

— Каким? — спросила Алиса.

— Я хочу купить у вас одну вещь. Точнее, не совсем вещь. Скорее — информацию. Мне нужна карта. Старая карта реки, которую, как мне стало известно, вы недавно получили от одной милой женщины.

Алиса похолодела. Карта, подаренная Валентиной Павловной, всё ещё лежала в её сумке. О ней знали только она, Андрон, Мирон и, возможно, Буся, которая вечно всё подслушивает. Но Прохоров знал. Значит, за ними следили.

— Откуда вам известно о карте? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— У меня есть свои источники, — уклончиво ответил гость. — Не будем о грустном. Я предлагаю вам хорошую цену. Деньги, артефакты, защита от... скажем так, нежелательных визитёров. Всё, что пожелаете.

— А если я откажусь?

Прохоров вздохнул, словно разговаривал с несмышлёным ребёнком.

— Тогда, боюсь, карта найдёт другого хозяина. Сама. А это, поверьте, может быть... некомфортно. Вещи с характером не любят, когда их прячут в сумках.

Буся, которая всё это время сидела тихо, вдруг спрыгнула с подоконника и подошла к Прохорову. Тот напрягся, но не отодвинулся.

— А вы когда-нибудь пробовали мёд из одуванчиков? — спросила она ни с того ни с сего.

— Простите?

— Ну, мёд. Из одуванчиков. Жёлтенький. Сладкий. Мне Андрон обещал сделать. А вы так и не попробовали, да?

Прохоров опешил. Он явно не ожидал такого поворота.

— Не пробовал, — осторожно ответил он.

— Вот и зря, — Буся села у его ног и задрала мордочку. — Потому что если бы попробовали, вы бы не были таким холодным. Мёд согревает. Особенно изнутри.

Она помолчала, а потом добавила:

— А ещё мёд липкий. Если им намазать руки, к ним прилипает всё подряд. Даже то, что хочется спрятать.

И она потянулась лапкой к его рукаву. Прохоров отшатнулся так резко, что едва не упал с лавки.

— Не трогайте меня! — воскликнул он, и в его голосе впервые прорвались нотки, похожие на страх.

— Ой, — Буся сделала невинные глаза. — А что это у вас в рукаве? Оно шевелится.

Все посмотрели на рукав. Тот действительно слегка подрагивал, хотя в горнице не было ни ветра, ни сквозняка. Прохоров поспешно одёрнул его и встал.

— Я вижу, разговор не клеится, — произнёс он, поправ-

для манжет. — Что ж, не смею больше злоупотреблять вашим гостеприимством. Но моё предложение остаётся в силе. Подумайте. Я вернусь.

— Не сомневаюсь, — сухо ответила Алиса.

Он направился к двери, но на пороге обернулся.

— Кстати, — сказал он, глядя на Бусю, — ваша зверюшка очень... наблюдательна. Берегите её. Такие существа долго не живут.

Мирон в один прыжок оказался между Прохоровым и Буськой.

— Если ты ещё раз посмотришь на неё так, — прорычал он, — я лично проверю, что у тебя в рукаве. И не только в рукаве.

Прохоров улыбнулся — вежливо, но холодно, — и вышел. Дверь закрылась. В горнице стало тихо.

— Ну и тип, — первым нарушил молчание Андрон. — Аж мурашки по лаптям.

— У него в рукаве был мотылёк, — вдруг сказала Буся, глядя на дверь. — Большой, серый, с глазами на крыльях. Он смотрел на меня и шевелил усиками.

— Мотылёк? — переспросила Алиса. — Ты уверена?

— Угу. Он был неживой. Но двигался. И ещё он пах так же, как цветы у дерева. Чёрные.

Все переглянулись. Это меняло дело.

— Прохоров связан с чёрными цветами, — медленно произнесла Заряна. — Или, по крайней мере, знает о них. Воз-

можно, он один из тех, кто их выращивает.

— И ему нужна карта, — добавил Мирон. — Зачем?

Алиса достала из сумки свёрток Валентины Павловны. Аккуратно развернула. На старой, пожелтевшей бумаге, среди извилистых линий реки и условных значков, краснела пометка: «Здесь земля стонет. Не ходить».

— Потому что на карте указаны места разломов, — тихо сказала она. — Точки, где земля истончается. И если Департамент или те, кто за ним стоит, хотят открыть ещё одну дверь, им нужны именно такие места.

— И что мы будем делать? — спросил Андрон.

— Для начала — спрячем карту так, чтобы её не нашёл даже самый настырный коллекционер, — Алиса сложила лист и сунула его за пазуху. — А потом... потом будем думать.

Буся, снова забравшаяся на подоконник, тихо произнесла:

— Он сказал, что такие, как я, долго не живут. Это угроза?

— Это пустые слова, — отрезал Мирон. — Ты не просто «такая». Ты — наша. А наших не трогают. Запомни это.

— Запомню, — Буся улыбнулась. — И мёда из одуванчиков тебе оставлю. Чтобы ты был тёплым.

— Я и так тёплый.

— Ну, тогда чтобы был ещё теплее.

Мирон ничего не ответил, только фыркнул и улёгся под подоконником, на котором сидела Буся. Так, чтобы видеть и её, и дверь.

Ночь прошла спокойно, но Алиса долго не могла уснуть.

Она лежала и думала о Прохорове, о карте, о чёрных цветах, которые, как выяснилось, умели не только пить жизнь, но и ходить за своими хозяевами. О том, что теперь у неё есть враг, который носит мотыльков в рукаве и предлагает ей защиту, от которой, возможно, сама она когда-нибудь будет отбиваться.

А утром, когда первые лучи заглянули в окна, она проснулась от странного звука. Будто кто-то пел. Тонко, протяжно, на одной ноте. Песня доносилась из леса. И в ней слышалось одно-единственное слово, повторявшееся снова и снова:

— Иди...

Алиса встала, подошла к окну и распахнула ставни. У опушки, среди деревьев, стояла женщина в белом. Лицо её было закрыто волосами, а руки висели плетью. Она не двигалась, но песня её заполняла весь лес.

— Заряна, — позвала Алиса, не оборачиваясь. — У нас гостья.

Заряна, уже стоявшая у неё за спиной, побледнела.

— Это не гостья, — прошептала она. — Это вестница. И она поёт о том, что кто-то уже вышел на тропу.

— Какую тропу?

— Ту самую, что отмечена на карте. Тропу, ведущую к разлому.

Алиса сжала огарок в кармане. Холодно не было. Было тревожно. И в этой тревоге, как ни странно, слышался азарт.

— Что ж, — сказала она, закрывая ставни. — Раз кто-то

вышел на тропу, пойдём и мы. Нельзя заставлять ждать.

Конец пятой главы.

В следующей главе: отряд отправляется по карте к месту разлома, чтобы выяснить, кто поёт в лесу и почему тропа «оживла». Бусе предстоит показать, на что способен её дар, а Мирону — принять решение, которое изменит его отношение к маленькой подопечной навсегда.

Глава 6. В которой тропа оживает, а Буся узнаёт, что у страха глаза велики, зато у храбрости лапки маленькие

Дорога к разлому, отмеченному на карте Валентины Павловны, шла вдоль реки, то приближаясь к воде, то отступая в лес, где пахло прелью и прошлогодней листвой. Солнце, поднявшееся уже довольно высоко, упорно пробивалось сквозь кроны, и от этого на земле плясали золотые пятна, похожие на рассыпанные монеты. Птицы, как ни в чём не бывало, пели, перекликались, и где-то у самого берега однообразно, как заведённый, куковал кукушонок.

Но Алиса не обманывалась этим спокойствием. Она чувствовала: лес поёт не просто так. Он пел тревожно, с надрывом, словно старался заглушить что-то, что шло из-под земли.

— Она всё ещё идёт за нами, — негромко произнесла Заряна, не оборачиваясь.

Алиса кивнула. Женщина в белом действительно шла сле-

дом — не приближаясь, но и не отставая. Она скользила между деревьями, не касаясь ногами земли, и её волосы, длинные, спутанные, закрывали лицо, как занавес. Время от времени она начинала петь — всё ту же тягучую, однообразную ноту, в которой угадывалось слово «иди». И от этого пения у Алисы мурашки бежали по спине.

— Может, её того... прогнать? — предложила Буся, сидевшая на спине у Мирона. — Я умею грозно рычать. Вот так: р-р-р!

Получилось не грозно, а скорее смешно — будто котёнок чихнул. Мирон фыркнул.

— Это не рычание, а недоразумение. Сиди уж.

— А что? — обиделась Буся. — Между прочим, некоторые от моего рыка в обморок падали!

— Кто?

— Ну... бабочка одна. И ещё гусеница. Но гусеница, по моему, просто спала.

— Вот именно. Твоё рычание усыпляет, а не пугает.

— Зато успокаивает! Это тоже полезно. Может, та тётенька в белом перестанет петь, если я ей порычу? Уснёт — и отстанет.

Заряна, слушавшая их, не сдержала улыбки.

— Вестниц не усыпить, Буся. Они не живые в обычном смысле. Это, скорее, эхо чьей-то беды. Они приходят, когда где-то открывается рана, и поют, пока рана не затянется.

— А если рану затянуть, она уйдёт?

— Да. Но для этого нужно найти источник.

— Так мы и идём! — Буся оживилась. — И затащим! Я буду помогать! У меня лапки цепкие!

— Ты вчера пыталась затянуть дырку в моём свитере и запуталась в нитках, — напомнил Мирон.

— Это потому, что свитер был слишком большой! А рана, может, маленькая.

— Ох, чует моё сердце, — кот вздохнул, — не маленькая.

Осина, который шёл впереди, вдруг поднял руку, призывая к тишине. Все остановились. Лес здесь был реже, и сквозь стволы уже виднелся просвет — там, впереди, стоял дом.

Это была старая изба лесничего — крепкая, хоть и покосившаяся, с замшелой крышей и одиноким флюгером в виде петуха на трубе. У крыльца росли высокие лопухи, а на верёвке, натянутой между берёзами, сушилось бельё. Но не это привлекло внимание Алисы. Возле дома, на скамейке, сидела маленькая девочка и плакала, размазывая по щекам слёзы.

— Люди, — тихо сказал Осина. — Не маги. Простые.

— Подойдём? — спросила Алиса.

— Надо. Лес привёл нас сюда не просто так.

Девочка, заметив их, испуганно вскочила и прижалась к забору. Ей было лет восемь, не больше. Белобрысая, худенькая, в застиранном ситцевом платье, с голыми коленками, поцарапанными о кусты. Она смотрела на пришедших

огромными, заплаканными глазами, в которых плескался самый настоящий ужас.

— Вы кто? — пролепетала она. — Вы тоже пришли, чтобы смеяться?

— Никто не будет смеяться, — мягко сказала Алиса, присаживаясь перед ней. — Меня зовут Алиса. Я... помогаю. Что у тебя случилось?

Девочка всхлипнула и вытерла нос рукавом.

— Тень. У меня пропала тень.

— Как это — пропала? — не поняла Буся, спрыгнув с Мирона.

— Утром вышла во двор, а её нет. Стою, солнце светит, а тени у меня нету. Соседские мальчишки смеются, кричат: «Оля бестеневая! Оля бестеневая!». А бабка Фрося сказала, что это к беде, что раз тень ушла, значит, душа ушла следом.

Оля снова заплакала. Буся, недолго думая, подошла к ней и положила лапку на её колено.

— Не плачь, — сказала она. — Мы твою тень найдём. Я тоже однажды теряла тень. Правда, это было, когда я бежала от ежа и забыла её в малиннике. Но она потом сама прибежала, только немножко колючая.

Девочка удивлённо уставилась на говорящего зверька, но, как ни странно, плакать перестала.

— Как тебя зовут? — спросила Алиса.

— Оля.

— Оля, расскажи, что было вчера вечером. Может, ты хо-

дила куда-то? Гуляла у реки? Или в лес заходила?

Оля шмыгнула носом.

— Вчера... вчера мы с мамой ходили к речке, за щавелем. Там, у старой ивы. И я видела, как из воды кто-то вышел. Не человек. Такое... тёмное. Я испугалась и убежала. А мама не видела. Она говорила, что я выдумываю.

— Это не выдумки, — Алиса нахмурилась. — Тёмное из воды — это, возможно, утопленник-неуспокоенный. Или водяной гневный. А у тебя тень могла от страха отделиться. Так бывает с детьми, у которых дар, даже неразбуженный.

— У меня нет дара, — прошептала Оля. — Я обычная.

— Обычные не видят тёмное из воды, — возразила Заряна. — Ты видела. Значит, в тебе есть искра.

— И что теперь делать?

— Вернём твою тень, — уверенно заявила Буся. — Вот увидишь.

Они спустились к реке. Место у старой ивы выглядело самым обычным: тихая заводь, заросшая кувшинками, нависающие над водой ветви, мостки, с которых рыбаки, должно быть, ловят карасей. Но Алиса, едва ступив на берег, почувствовала: земля здесь дышит не так, как надо. Словно под травой, на глубине, что-то ворочалось.

— Здесь, — сказала она. — Разлом подходит близко к поверхности. Поэтому и твари из воды выходят.

— Какие твари? — шёпотом спросила Оля.

— Те, что живут на границе. Им тоже неудобно, когда зем-

ля болеет. Они выходят и пугают людей. И твоя тень, скорее всего, не сама ушла. Её выманили.

— Кто?

— Тот, кого ты видела. Тёмный из воды. Он питается страхом. А тень испуганного ребёнка — для него как мёд.

Буся при этих словах возмущённо запыхтела.

— Значит, он ворует тени! Ну я ему задам! У меня лапки быстрые, а зубы острые!

— Зубы у тебя как у младенца, — проворчал Мирон. — Сиди и не геройствуй.

— А ты что предлагаешь? — Буся развернулась к нему. — Стоять и ждать, пока он ещё кого-нибудь напугает?

— Я предлагаю действовать по плану. Алиса, что нужно?

Алиса уже раскладывала на траве принесённое из сумки: маленькое медное зеркальце, пучок полыни, флягу с родниковой водой и красную шерстяную нить.

— Нужно провести обряд возвращения тени. Для этого придётся вызвать того, кто её забрал. Он придёт на страх. Значит, страх должен быть настоящий.

— Чей? — спросила Оля, бледнея.

— Мой, — неожиданно сказала Буся. — Я умею бояться очень натурально. Вот смотрите: а-а-а! Караул! Меня съели!

— Нет, — Алиса покачала головой. — Страх должен быть не театральный, а живой. Иначе тварь не приманится. Мы сделаем так: Оля вспомнит свой вчерашний страх, а я возьму его и перенесу на приманку.

Она взяла медное зеркальце, протёрла его полыньёю и поставила на пень, так, чтобы в нём отражалась вода.

— Оля, смотри сюда. Вспомни, как ты испугалась. Вспомни, как холод пошёл по спине, как ноги приросли к земле. Вспомни.

Девочка, закусив губу, уставилась в зеркальце. В её глазах снова поднялась волна вчерашнего ужаса. Воздух вокруг будто стал холоднее. Вода у берега пошла кругами, хотя ветра не было.

— Идёт, — тихо произнёс Осина. — Я его чую.

Из-под старой ивы, из тени, которая казалась гуще обычного, выползло существо. Небольшое, с лохматую собаку, но бесформенное, будто собранное из мокрого мха и речного ила. У него не было глаз, но было много ртов — маленьких, круглых, которые открывались и закрывались, как жабры. Оно двигалось медленно, принюхиваясь, и от него пахло сырой землёй и рыбой.

— Это не тёмный, — прошептала Заряна. — Это... скопление. Множество маленьких духов, слипшихся в одного. Разлом их разбудил и сбил в ком.

— Они тоже напуганы, — вдруг сказала Буся, прижимаясь к ногам Алисы. — Я слышу. Они пищат.

И правда: если прислушаться, можно было различить тонкий, жалобный писк, доносившийся изнутри существа.

— Они не злые, — продолжала Буся. — Просто они потерялись. Их тропа выбросила.

Алиса опустила руку с огарком.

— Тогда не будем их пугать, — сказала она. — Будем их... расплетать.

— Как клубок? — удивилась Буся.

— Примерно.

Алиса налила в ладонь родниковую воду, окунула в неё палец и, начертив на земле круг, начала читать тихую, размеренную молитву, которую знала с детства от бабушки: «Вода-водица, сестрица, обмой, успокой, домой проводи...». Слова сами лились, перемежаясь с заговором из книги Се-рафимы. Полынь тлела, и горький дым стелился над водой, укрывая существо.

То, что было комом, начало медленно распадаться. Маленькие духи, похожие на светлячков, вылетали из него и растворялись в воздухе, возвращаясь туда, откуда пришли. С каждым из них писк становился тише, а вода в заводи чище.

Наконец остался только один — совсем крошечный, присевший на ладонь Алисе. Он был похож на пушистую точку и тихо звенел.

— Это твоя тень? — спросила Алиса, переводя взгляд на Олю.

Девочка кивнула, не отрывая глаз от ладони.

Алиса поднесла ладонь к земле, и тень скользнула вниз, растеклась у ног Оли тёмным пятном, а потом снова приняла её очертания. Девочка тихонько ахнула: тень была на месте.

— Получилось, — прошептала она. — Она вернулась.

— Никогда больше не убегай от неё, — улыбнулась Буся.
— Тень — это не страшно. Страшно, когда её нет.

Оля, не выдержав, разрыдалась — уже от облегчения — и обняла Бусю, уткнувшись лицом в её шерсть. Буся на мгновение замерла, потом неумело погладила девочку по голове.

— Ну-ну, — пробормотала она, — я же говорила, что найдём. У меня на такие дела нюх.

— У тебя нос в молоке, — ввернул Мирон, но беззлобно.

— Зато сердце на месте, — парировала Буся.

Они проводили Олю до дома, где её уже ждала перепуганная мать, и коротко объяснили, что дочка просто переутомилась и что у реки лучше пока не гулять. Женщина благодарила их, прижимая к себе Олю, а Оля всё оборачивалась, махая рукой.

— Кажется, у нас появилась новая поклонница, — заметил Мирон.

— У нас? — уточнила Буся. — У меня!

— Ну конечно. У тебя и у господина Усача.

— Господин Усач дома. А вот я — здесь. И со мной вы все как за каменной стеной.

— Это точно, — фыркнул кот. — За каменной стеной из пуха и наглости.

— Стеной из пуха и наглости! — Буся засмеялась. — Звучит как название боевого приёма!

— Тебе только боевых приёмов не хватало.

— А что? Пух — он мягкий. Враг утопает и не может вы-

лезти. А наглость — она такая: смотрит врагу в глаза и говорит: «Чего пришёл? Здесь занято!»

— Кошмар, — Мирон возвёл глаза к небу. — И за что мне это?

— За хорошее поведение, — хихикнула Буся.

Осина, шедший позади, негромко рассмеялся.

— У тебя замечательные спутники, Алиса, — сказал он. — С такими не пропадёшь.

— Не пропадём, — согласилась она.

Но мысль её была уже не здесь — у разлома, который ждал впереди, и у женщины в белом, которая снова запела, как только они отошли от дома лесника. Теперь её песня звучала ближе, и в ней, кроме слова «иди», слышалось ещё что-то. Тёмное, как вода в заводи до обряда.

— Вестница приближается, — напрягся Осина. — Значит, тропа к разлому открыта. Мы почти у цели.

Лес становился всё более чужим: деревья здесь росли криво, цепляясь корнями за камни, а мох был не зелёным, а бурым, как запёкшаяся земля. Земля под ногами стала мягкой, пружинила, и от каждого шага по ней расходились круги, будто шли по воде.

— Тут всё пропитано магией, — Заряна приложила ладонь к стволу сосны. — Древней, тёмной. Разлом не природный. Его кто-то сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.